

Михаил ВОЛОХОВ

ВЫШКА ЧИКАТИЛО

монодрама, философская притча

Тюрьма. Одиночка смертника. Чикатило не спеша ходит из угла в угол камеры и сам с собой разговаривает.

В то время как жизнь по-прежнему
остается непостижимо вечной –
человеческие надежды и знания
замкнулись на любви
к порожденным себе
подобным смертным.

Но истинные знания,
соотнесенные с вечностью,
имеющие целью победить человеческую смерть
и наделить человека возможностями
распоряжаться вселенной по своему усмотрению,
добываются, как и в прежние века,
только на пику кровавых, варварских деяний
с телами и душами
этих себе подобных
любимейших смертных...

«На свете нет тоски такой? какой бы снег бы не вылечивал».

Борис Леонидович Пастернак – умнейший был еврей поэт на даче, что в постели своей умер. Он еще Цветаевой веревочку подарил повесится в Елабуге родимой и Мандельштама словом праведным и русским от Сталина не спас...

Морали нет – есть Правда на Земле. Пустота изжита и слова изжигаются в Вечность...

«Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностно томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,

Как дай вам Бог любимой быть другим».

«Добру и Злу внимая РавноДушно».

Александр Сергеевич Пушкин. Мой любимый дорогой поэт непревзойденный - Мира Гармонист. Родоначалник русской революции. Упростил язык, уплотнил сознание, умишко и Ильичу не оставалось ничего как азбуку уменьшить с сорока до тридцать три... человеческой кровью.

Ну там Лермонтов, конечно, со своим озлобленным негодованием сделал шаг назад-вперед, и народников поднял на народ. В воскресенье как-то Надя Ильичу давала сзади. Он потом писал трактат – шаг вперед, а два назад.

Да этому Лермонтову до сих пор юбилеев не празднуют, как он не старался перед народом, сука, выслужиться с озлоблением своим интеллигентским. Народ любит своё, простодушное, понятное, всем доступное озлобление. Вот Пушкин не выкоблуживался со своим интеллигентским озлоблением – его народ и любит. Вот так, Александр Сергеевич и продолжаем жить по-Вашему скольженью во хрустальном и прозрачном во гробу-в-пургу-в-дугу - во имя Воскрешения Руси и Духа Мирового.

Идеи – непорочны – к ним никакая грязь не пристаёт. Войти в идею, чтобы человеком стать. Понятно. Грех – структурная аксиома жизни, как слова – должен сразу искупляться. И мир разнообразится грехом – еврейством. Все наши шаги человечьи – еврейски фрагментно дискретны. Поэтому змея в ногах лежит падлюка и кусает долларом за пах.

Я говорю об Евреях – как о философии, понятии – я не националист – надо обусловиться. Прожили до седин – все жидяры как один. Но хочется по-русски созерцательно – как Обломов - в оба тапка сразу, глаз не открывая, все же просмотреть, что ты делал в своей еврейской Жизни, построенной на ложных аксиомах чувств-с еврейских-с на Руси.

Ну вся Жизнь Нашей Еврейской Физической Рефлексии - тем более Желудка - повсеместно же Еврейская, товарищи-государи. На хапок живем - рванину гоним-жрём из блох – согласитесь люди-братья все евреи взяткодатели, которых так люблю.

Потому и крохобор еврейский колобок – что сделан из последних и ненужных крох. Жестокий символ кровепьющих блох. Так Евреи фашизм породили, чтоб Гитлер в богоизбранность играл. Евреи – понятие Времени, которое охватывает Вечность, равно Вечности, но осознает себя только дискретно в данный момент относительного Времени, в силу ограниченности нашего Сознания и Бытия. В этом вся Человеческая Трагедия протуберирует сучара. Видим Света Чудеса, а Света самого не видим. Такие мы все люди Евреи – я от бабки ушел, я от дедки ушел. Да куда ты, на хер, денешься. Это как переключка анекдотная в тюрьге задолбала: «Чикатило здесь? – Ну, здесь я Чикатило. - А надзиратель: а куда ты, на хер, денешься. – А я ему: а куда ты, на хер, денешься конторный – спермоштучка – два шарика и ручка?»

Так мы все фашистские жиды и жили в антимире и живем. Куда мы, на хер, денемся от Духа грёбаного Мирового Развития. Да если Дух спасет миллионы – погибнет Жизнь совсем здесь на Земле! Небо не человечно. Ни одна молитва не услышана. Ни одного святого до сих пор здесь не было и нет. Да если Бог кому-то сделает Добро просто так на халяву – будет очень до хера нахлебников на это и все трудиться перестанут, и никто не будет рваться туда, куда надо интуитивно внутренне по-еврейски рваться - в Бога Непорочную Идею все круша. Не знание законов не освобождает от ответственности.

Вот Сталин рвался тоже генерал грузин еврей внутренне на Небо - положил внешним физическим, восточно деспотическим образом на Русской Земле несколько миллионов сотоварищей ради ленинской, но пушкинской идеи изначальной нутряной - упрощения и сжатия языка и логики сознания. Миллионы так людишек ужал в гугагах – упростил сознание – все по Пушкину – по заветной ксиве – сакрально-гениально. Но Духу

Развития Божественного Мира по херу – он этот Дух херов через эти убийства на хапок - непонятно в какую сторону, но развивается.

Кто там – Каин первый был человек маньяк еврей убийца за Идею, что убить там человека такого же себя - это – очень Ничего? В шагах-ногах еврейских туда-сюда-обратно – пиф паф и оёй - уж точно нет, товарищи родные, правды мировой. *(Садится.)*

Нет - в чистом виде еврей русскому брат. Две самые сильные нации в мире. Два сапога пара. Русские - это мета – созерцательность – потому и Богоносцы. Евреи – это физика – движение - Богоизбранничество Богоносцев русских – на ком ездить лучше надо, на хер – на евреях. Получается метафизика – Божественное Созерцательное Движение ВездеСущего Снуюющего Мира. Вы не волнуйтесь – я отъевреился по физике, как еврей *(проводит пальцем по горлу)*, но вот по-русски хочется немножко перед Смертью Метой маненько поплякать метасверхметафорически и понять себе для укрепления мозга, что такое «Я» не только как головка хера от меня.

Смерть всегда Надежду порождает и Прекрасное. «Мы» надо понять, на хер, через букву Ума – букву минус Ноль, где морда с жопой сошлись – тогда поймешь, что такое «Я» - головка хрена-янтаря. И в ласковости слов поищем мы пророчества, кто есть Мы сами и с усами в Духе Развития Божественной Вселенной в центре Мироздания на Руси.

В знании же монстров нет. И где как не в тюрьме понять все это можно окончательно. Здесь все так размеренно – как в самой подходящей Смерти Вечной Устоявшейся Покойно. Еду приносят вовремя. Не кричат, не ругаются, не обижают. Охранники-солдаты обращаются даже почтительней этого мудака-адвоката, пидараса жидовского. Сдался на хер мне этот адвокат, когда я сам себе здесь адвокат. Навязали. Поняли, что я безотказный добрый человек - навязали жиденского жидовского адвоката - вредителя против меня на вокзальных мусоров работать. Ну и к смертной вышке меня приговорили и выиграли процесс что-ли? Меня судили? Ну-ну. Сами себя судили и не осудили - потому что меня к смертной желудочной вышке приговорили. Вот я себя к вышке приговорил – это уже другая - Космическая Вышка – Вышка Чикатило.

И откуда только потерпевших здесь столько много взялось? И каждый день все разные, разные мамы, папы, тети, дяди и друзья разнообразные. Сердечный приступ на процессе заполучат, укольчик впарят и меняются. Право, жиденский пошел народец на потребу жизнью маяться.

Ну, товарищи дорогие - я ведь покончил-то там всего с пятьюдесятью четырьмя сынками-дочками-младенцами. И я понимаю, что у всех детей родителей всегда в два раза больше. Ну, дяди, тети, ну, друзья - понимаю. Но не тысячи ж сердечных ведь кровинушек родных у полсотни, сука, мною убиенных голышей. Я не Боря Годунов, не царевичей же, сука, с царства русского снимал. Не Ваня Грозный, сука, я оприченный. Не Ёська, сука, Сталин я затейник массовик, с прибауткой, что бабы нарожают и еще... Везде всегда во всем – одна проблема Жесткой Власти на Руси.

А то, что я дал блаженную смерть их кровинушкам, теперь уже вечно безгрешным - этого понять и оценить они не могут, не хотят - не получается пятёрочка оценка почему-то. Не отвечают на вопрос - как их детишки в рай попали золотой, минуя жизни ад кромешный. В четвёртый класс еще и не успели перейти, а в рай небесный золотой у меня попали. Помучились, конечно, перед смертью. А кто, скажите мне, без мук в юдоле этой сверх космической кончает? А в рай дорогу надо заработать - мучениями великими заработать.

Когда я ножичек в безопасном от сердца месте в теле их проворачивал против стрелки часовой, а потом еще и по ходу времени развития, и детишки при этом кричали, рыдали и плакали, в кровушке своей плескаясь царской - мне самому что, легко все это терпеть было? Хотя и приятно, конечно. Слов нет - было очень приятно.

Да детишкам-то самим лучше было еще пять минуток лишних прожить на белом, хоть и черном свете, господа, для Развитья Мирового Духа. Вы Достоевского – душекопателя самого еврейского почитайте – знаменосца всех Евреев Западных по Духу. Там у него ясно написано: дайте человеку место на скале в десять сантиметров и чтоб дикий орел ужасный да кровавый - у него каждый Божий день печень прилетал клевать - человек просто с радостью великой согласится и на такую живодёрную жизнь вместо смерти. А Достоевский был пророком изрекающим - это он про нас, русских жиденских, блудливейших, советских жиденков все это написал. Он все заранее написал, что с нами, революционными еврейскими тварюшками случится - какое счастье-несчастье марксистское на голову наступит и раздавит душу, на хер. И что, слушали гения, пророка, вы, в манду? Да к вышке, суки, как меня приговорили, на хер. Да за пять минут перед казнью вышку вы ему тюрягой заменили. А что человек за эти пять минут перед казнью пережил-то, сука - самый великий русский писатель - вам это по херу. Не, ну после такой человеческой встряски у него там и пошли писаться сердечные романы про Сонечек шалав и убийц раскольников всевышних, как можно всех мочить с условным самопокаянием.

Пророки, гении - сердечные ребята, - на то они и гении, пророки. А гениям сердечность не прощают люди. Пушкина Дантесом уфранцузили. Лермонтова – ну тот, правда, сам на русака Мартынова нарвался. Гумилеву сопатку по самый хер расстрелом без суда вы рубанули. Мандельштама – такого пасторального поэта Грядущего на тифозных нарах ухайдакали. Лорку в апельсиновом саду укеросинили. Извращение. Меня-то хоть, сердечника, в тюряге, на хер, дробью пистолетной издробят. Как Гумилева. Как Мандельштама. Русская, еврейская, физически метообразно стадная судьба. Что говорить. Кому докажешь, что ты гениальной правдой, милый созерцатель. За правду убивают. Тем более за еврейски-русскую. Еще как мучительно и убивают, люди живодёрные животные, вокзальные скоты - как себя скотов и забивают, на хер - пророков сердобольной матушки русской земли.

И вы, скоты вокзальные, хотите, чтобы детишки ваши, души невинные, в таких же скотов, как вы – как я, вокзальных обратились? Чтоб коммерсантами стали, рэкетирами залетными и чтоб сами бы потом друг дружку резать стали за долларовые ржавые копейки? Не проходили Чичикова вы с церковью безбожной, которая Гоголя в Оптину Пустынь не пустила, и он роман пожег, и с помощью монаха умер? Царя не проходили одного, который философствовать себе лишь позволял, и подарить там с барского плеча жизнь Достоевскому пророку, издеваясь, мог единолично? Против этого верченья против стрелки часовой вы не ропщите толпой? А Толстого кто из церкви выгнал из-за Власти? Тут так исторически занервничаешь – лечиться невозможно.

А если б кто-нибудь потом из ваших кровнейших детишек таким же маньяком по зрелости уделался, как я - да стал бы по сердечности своей детишек ваших - детишек безгрешных в рай делегировать к Богу? Против этого вы ничего не имеете, что я будущих сердечных маньяков уже сейчас в зародыше еще безгрешном по сердечности своей душевной, сука, в рай к Богу направляю? Не сказал в мою защиту этой правды правильной, сугубо человеческой, адвокат-еврей жидяра с хохлядской рожею вокзальной...

Просто хер-ли это адвокат - еврей зарплату получает с гонорами тогда, если мне расстрельную повесили? И на хер я штаны еще в суде снимал - член им всем родной показывал-студил?

Там у них все время на процессе бардак с этим сквозняком-то был. Дверь открывается, закрывается - входят там врачи с медсестрами разными в белых халатах - сердечникам вокзальным уколы от сердечных приступов микстурируют - сквозняк и вонь лекарственную разводит. Народный, государственный суд, а никакого порядка - еще

удивляются. Сталин им навел порядок - не понравилось. Они и Ленина всего обосрали, когда можно стало, когда разрешили при гулагах диссидентских клоунов давить.

Ленин, он, конечно, беспредельщик, но проводник Идеи Непорочной, Мировой Развития Русского Языка в Свободе, Равенстве и Братстве. Идея и Дух - не беспощадны ради беспощадности. А Ленин – лень - созерцательность языка, на хер. Да поперек же нас же родилась эта лень. Ленин очень четко и выразил ее своим существованием в языке. Сталин – застолбил новый, свежий, коммунацкий Язычаро, а кто мешал столбить – того и положили в грязи вечно отдыхать.

В физическом мире – они, конечно – Сталин-Ленин - заблудшие бизоны. Но Халява Коммунизма – как хороша Идея без совести зазренья.

С точки зрения победы на войне – самый класс у нас. Но еще Бисмарк говорил – «никогда не идите войной на Россию.» У Бисмарка на портсигаре была серебряная пластинка, на которой было выгравировано русское слово НИЧЕГО. Он учился в России и понимал, что для русских главная Идея НИЧЕГО - в их ВСЁ – в их неоспоримой Самой Глобальной реально самой большой и Исконно Своей в Духе Земной Божественной Территории. Нельзя сомневаться в Территории. Каков Русский Дух – такова его Земная Территория. ВСЁ или НИЧЕГО наша русская идейная отгадка. Именно поэтому нельзя идти войной на русских. Русские никогда не отдадут своё самое громадное в Мире ВСЁ – свою самую большую в мире территорию. Отсюда у русских возникает самая большая в мире спасительная ответственность за свою самую большую территорию, за образнейший русский язык, связующий русское сознание на готовность в любой момент к любому жертвенному самоотверженному подвигу по защите этой территории. И через эту свою самовоспитательную ответственность, и готовность к жертвенному подвигу - русский человек на генном уровне - самый главный и праведный спаситель всего этого нашего общего земного глобального человеческого Мира. Не спасти Мир русский человек не может по определению – иначе просто потеряет свою жертвенную самость и в своей стране, и в Мире – потеряет духовное основание своего праведного Я, которое превращается актом Спасения в Мы – в Мы всего Человечества, которое Мы русские спасаем. Особенно это проявилось во вторую мировую войну.

«Не страшно под пулями мёртвыми лечь, Не горько остаться без крова, И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово.» От Родины Матери, Ахматова сказала. Выразила самую главную русскую идею - ради чего и стоит жить – ради Великого русского Мирового спасительного Слова и Дела. Хоть Ахматова была женщиной и обижена сталинской страной. Но этими словами великой русской женщины поэта – Мировой Бог выразил своё сокровенное желание и мысль. Русские непобедимы. Немые немчары и чуяли, где собака зарыта, что Русь – божественная поэзия Спасения Земли и Праведное Правление Миром. Поэтому и попёрли фашисты на нас в сорок первом – застолбить в правление Миром свою античеловеческую, фашистско немецкую уничтожительную прозу. Ну и получили, что им их Бисмарк предрекал - НИЧЕГО от нас, от русских в сорок пятом. А когда еще в восемнадцатом году Россию Антантами-то сжали - именно тогда - в той сжатой в кулак России тоже выявилась и впиталась в Россию самая настоящая праведная, в Объективном Духе Развития всего нашего Мира - Идея - про Свободу, Равенство и Братство - одна на всех - мы за ценой не постоим. И за это Всечеловеческое ВСЁ Россия тогда билась и выстояла голодная, раздетая - практически одна, спасая эту Сверх Идею Мира. Иначе НИЧЕГО – нет Мира – нет Свободы Равенства и Братства для всех людей Мира. Нет Мира на всей Земле. Понятно, что потом всех Сталин в безграмотности начал вокруг себя в грязи ложить кровавой и всю идею опорочил – но стал точно своим именем зато – стал ВСЕМ в том своем кровавом диком тоталитарном времени. Но одолел Гитлера все равно Силой

Спасения Мира. Поскольку Сила Спасения всегда выше силы уничтожения. Иначе жизни на Земле просто не было.

Сейчас опять Западный Чичиков - наш родной Еврей катит на физических повозках со сломанною осью «без идеи» на колесах джипов за снедью наших мертвых, вечных душ – чего купить нельзя, что Богу только и принадлежит. Опять получают в перспективе «ничего» за это наше Всё..

Это точно, как с Нинэль на морозе сношаться - у подъезда - онанизмом заниматься. Тоже «ничего». И это «все». Бабу так – дрючишь или нет – как знание – есть или нет. Такой, сука, бардак лицемерный, неметафизический во Вселенной, когда не дрючишь – хер просышь, сука. Три часа на морозе у подъезда простоишь ты с ней в обнимочку - в хату не заманишь ни хера пошпилиться и слиться, сука, когда чувства к ней возникли Вещие – хер родимый встал. Ну и Нинэль, заразка - эта незабудка во мне садиста разбудила-возбудила, на хер, при встопорщенном-то члене небожителе моём - зверя разбудила, горлица, во мне.

Три белоснежных зимних месяца цветы ей все дарил - задаривал гвоздичками бордовыми, как цвет любви, насилия и крови. А засунуть не дала – движением еврейским подзаняться взад-назад-вперед-наверх-и-вниз. Платонической любивческой убивческой любовью русской узкосозерцательной все мозги мне засирала, парила, драла. Как по самым всем больным местам заветным - как ногой по яйцам била мне по мотовилу. Она мне говорила, будто баба «Я» - ни хера в тебе, Пих-Пахыч Магарычный, мужественного нету ни хера. Теперь, наверное, сука, репортаж по телевизору смотрела про меня и жалела горько, что ног под мой движок не развела.

Только раз к тебе в трусы рукой залез и ущупал целку. Только раз бывает в жизни праздник.

Вознесенского тебе еще цитировал - любимого поэта моего из телевизора – «Уберите Ленина с денег - он для флагов, Ильич, и знамен!» А Бродский, вон, начитанный, отдроченный отделанный поэт еврей манерный, получает Нобель Прайс. А Андрюшка-скоморушка, скорый на руку Петрушка, с хером заандрюшкиным, с фарами яишницей на морозе русском дровичит правым трясогузком с телевизором, а левоправым ленинским проглазом делает рентгеновский куплет в позе «Лонжюмо», сексуя под зеленую хрустяшку Нобель Прайса. А тебе ее ни хера не дают, Андрюшка Вознесенский мой хорошенький - а дают местечковому Бродскому пииту словоблудцу от элиты из америки на английском торговатом языке. Но когда ты, мальчишка, писал, чтоходишь в мавзолей как в кабинет рентгеновский – ты был к Истине Мира ближе метафизически, мать твою в тьму, а не тогда, когда от этих слов своих Иудой отказался за продажные зеленые, чернильник.

Да это ж - Высшая правда Мира, братэллы академики, что Могила Ленина – колыбель всего Человечества. Ленъ, повторяю – поперек нас, ссуки, родилась. А те шакалы революционные, которые тогда Ленина хоронили – были искренни во Времени Своем тогда искреннем, когда несли плакаты, что могила Ленина - колыбель всего Человечества, на хер. Ведь нет ничего долговечнее и сакральнее, когда пишется искренне и по любви, мать вашу в мать тьму. Из искры возгорится пламя! Я не о той «Искре» большевиков говорю – про сакральность образа Вселенского вам кудахчешь-разъясняешь, на хер.

Да им всем горлопанам еврейским Сталин Нобеля забацал. И Пастернаку, и Шолохову, и Солженицыну, и Горбачеву развалюхе. За рога Россию он не удержал – хотел за хвост еще там изловчиться-урезвиться удержать. Мудачикатильность, сука. Кого люблю – того я и фалую. Ну, с Горбачем, конечно, совсем отдельный, на хер, разговор расстрельный. Свободу он России дал. Ну вот дал ты мне свободу, Горбачев. Ну, прихерачил я капитализм к своей несметной русской, личной, волчьей воле. Ну вот и захерачил я всем этим вольным дьяволом души, ни за что, ни про что - детишек

малолетних, на хер. Спасибо, медикованный ты мой - на века спасибо за свободу!!! И за вышку спасибо. Ничего - я сталинский боец - вытерплю все вышки.

Не такое в России пророки терпели со времен царя гороха пердуна. Меня-то прихерачат пулей с пистолета, как настоящего поэта. Гении на свете долго не живут - тем более, в России гениальной. Мы все в России гении в пороке и бардак поэтому самый гениальный. А таких вот самородочков как я - хер ваще вы на земле еще, где откапаете. Да я один, что ль здесь такой в России, на хер. Это я один лишь только славу мировую получил. А сколько там садистов гениальных в неизвестности свои великие творят делишки? Давали б, на хер, за садизм бы Нобель Прайс - до хера бы самородочков в России штатных объявилось. Вот и судите, едем мы откель-куда. Мы едем-едем-едем - веселые друзья. Веселые соседи и дружная семья. Па-па-па! Па-па-па! Мы возем с собой кота. Обезьяну, попугая - вот компания какая. Во-от компания какая.

Я красные цветы срывал, когда цветы в расцвете красном были, и кровь любви свою на землю лили, когда с любовью нежной я их убивал. Жить на свете можно-надо только десять лет. Потом же, если вы поэт чудесный Духа Мирового - вы почувете, поймете, что на свете надо-можно только десять лет на свете можно-надо жить. И, если гений вы неимоверной пробы, и самый первый друг Космической Природы, и прожили на свете целых сорок лет - тогда вас призовет сама Природа ей помогать блистать - срывать ребеночков цветы, которым десять лет, и выпускать на волю райскую их души без греха, и ждать седого малыша, что нас спасет когда-нибудь еще, круша. Христос Во Истину Воскрес – что надо Понимать.

А теперь меня за эту истинную исконную метафизическую поэзию, сука, рожи вокзальные пристрелят. Колюха, бывший сокамерник мне говорил - пистолет тут у них к телереле присобачен. В один прекрасный день пойдешь по коридору на прогулку - телереле срабатывает и телепистолет тебе дырявит черепушку. И, вроде бы, никто из человеков курок не нажимает, не несет ответственность... Не надо, сука, каяться потом.

Чего теперь вот только Светланка - жиночка про меня соображает. Раньше надо было соображать. А то в ванне поджениться не умеет. Научить хочу - не хочет обучаться. Член родимый свой женатый отсосать прошу - больно, на хер, член пересоленным ей вдруг кажется. Пересоленный хер – это как пересоленный Божественный Мировой Дух Развития Вселенной, сука. Сама и виноватая, холодная, теперь. Конечно, уехать ей сейчас пришлось с местечек родимых. Детишек наших, радушек - Степушку и Лидочку подальше увезти. А то ж ведь, суки-люди по мщению вокзальному моих кровинушек безгрешных прирежут в считанные миги – взглядами презренными прирежут, суки-люди твари матерьяльные-вокзальные.

Я-то резал их в духовной, сука, плоскости-объеме, чтобы взять энергию Космической Души. Этого понять вам не дано, тварям, змеям и червям жидовомассонским. Вы ж в этой материи матери земной сучей, жидовской живете - будто смерти и не будет не хера. Вы знаете, что такое Смерть? Какая это Жизни Надежда - всемогущая Смерть? Уже говорил - Смерть дадена, чтоб Жизнь здесь вечно продолжалась, сука, на Земле!

Нечего Жизнь заживать своей серой бездарностью, на хер, когда и гениям нет места. Для поэта кастрата слово хер не богато.

Хлебникова уберегли вы Велимира? Хер вы Хлебникова мне уберегли. Проникшего в основу слоговую языка и подарившего вам звезды в языке. Я чумею от народа своего. Вот с себя чумею, со страны чумею, а с народа просто издыхаю.

Присосались все сейчас к этой электронной камедюшной религии из ящика от сатирических жидов с окраин и крандец. Палец покажи - смеются все – как кто-то у кого чего-то там замечательное замечательно спёр. Ну там выборы упёрли или другие бабки по валюте. И уже даже не понимаешь, что там конкретно отжиганили, но знаешь наверняка, что обязательно что-то изначально классно утянули. Потому что в России

два дела, которые делают всегда гениально заразительно: это воруют и смеются потом заразительно над тем, как это что-то гениально подмели. Нет, когда вы что-то там гениально умыкаете – надо обязательно знать, что вы там умыкаете – это естественно. Но когда вы смеетесь над тем, что у кого-то там чего-то увели – знать то, что увели – уже совсем не обязательно, чтобы гениально от души смеяться над этим шакальством продовольственным, сука. На этом вся религия из ящика и построена. Ты изначально веришь, что что-то там уже наверняка уже упёрли. Потому что - время-то прошло – по жизни так - и за это время по жизни обязательно должны были что-нибудь хорошенькое в России обязательно спереть. Ну а это ж так всегда смешно, когда чего-нибудь хорошенькое у кого-нибудь в России нашей упрут, у болвана какого накопителя еврея, на хер, материалиста. Я торчу со своей еврейской страны. Смеются евреи, что воруют и продолжают по-еврейски воровать, чтоб смеяться. Смеются – в упор смеются и далеко не глубоким метафизическим гоголевским русским смехом, суки смеются. Блещут местечковым шукарством и воняют пердежом гороховые дискретные еврейские шуты. Я чумею. Но смеется тот – кто смеется последним. Язык не украдешь – он всем принадлежит.

Вот резать детишек начинаешь – и все равно смеются, на хер. Рады, что меня, уroda ротозея, поймали – зацапали менты. Злорадствуют. И сами бы хотели маньячно попротказничать – только дай им в революцию уйти и белого резать брательника красным собратом его.

Когда же ребеночек под ножичком вращательным твоим сдыхает в страшных муках - ты тоже, сука ведь, художественный гений, с ним в таких же страшных муках издыхаешь и жизни русской вкус смертельный по-еврейски постигаешь, да и понимаешь - гениальной нет страны, которая себя так сладко пожирает - не оставляя ничего.

Думал, здесь в тюрьме русской - по-русски помучают, по-настоящему. Блаженные мечты. Пристрелят по-еврейски в черепушку - помучиться по-русски сладко не дадут.

Не, ну на процессе я поймал, конечно, кайфецу славянофильского. И на места своих злодеяний кровавых - приятно было водить мусоров - смотреть на их реакцию особо, когда там трупик какой откапывали детский.

И как ни странно, но реально ты самый главный нежный резонирующий кайф энергетический отлавливаешь после всех своих счастливых преступлений. Вот режешь-убиваешь ребеночка слезиночку, ну максимум, минут пятнадцать-десять с верчением, если постепенным. Ну, полтора часа насилуешь.

И если помножить пятьдесят разочков хотя бы там на два часочка - мы получим сто часочков - чуть больше, чем четверо суток. А суд-процесс - он длился семеро годочков – вот и считайте длительность кайфочка.

И казнь специально мне еврейскую назначили - без каефа мучительного, сука, русского народного. Телепистолет - и вот Андрюши нет.

А то ли раньше казни были в мире. На кол, да в попочку чудесную сажали, четвертовали на колесе, на карусели при народе. В Китае там - с культурой самой древней в мире - бамбука ростом, к солнцу возжеланным диким взростом, вам медленно животик разрывали, или в муравейничек бросали к муравьям на исжирание, или каплями воды из родничка целебного по черепочку забивали в многодневных муках вас, или разрывали вас на тысячи пленительных, медлительных кусочков и постепенно вы и сладко умирали. И было всем приятно год от году - и палачам, и жертвам, и народу.

Не, ну ко мне он тоже народ сердечный умный и душевный наш ходил смотреть с энтузиазмом. Грех жаловаться - успех был сверх крутой. С многих стран еврейских снимали удальца - чтобы с меня кайфец телевизионный заловить. Когда свой хер живой-парной на кинокамеру показывал снимать - для всего же фирменного

человечества - грязи семитской старался кайфецу поддать - как пару в сермяжной русской баньке.

Под шиза мне адвокат наказывал шерстить. Да нет уж ты, товарищ адвокат-еврей - это вы уж как-нибудь там сами под шиза горбатого винтите на носу. У меня с шизофренией этой прокартавленной все на сорок семь. Я хер на кинокамеру дорогому человечеству еврейству за просто так показывал-финтил. Вы слышали когда-нибудь про альтруизм, еврей? Это вы по телевизору умеете мозги всем спермою своей жидовской заливать и получать все Нобеля за это развращение тотальное людей по-детски непорочных с глазами голубыми снегорей.

А тут одну Нинэль все на морозе русском альтруистском безвозвратно целовал - да так и не дала мокнуться в целочку практичную наждачную свою со вкусом жидяристой дыни.

Последний раз, когда с ней обжимался, хер наивный, вдруг возьми, да спрысни спермы грамм все триста ей на сапоги. В момент прореагировала стерва. И стала ртом блевать на снежную тропинку. Когда ее Кошкин, штангист-кагебешник, мира чемпион, вафлями в пасть охаживал - не блевала, сука. А на сапоги спустил ей хромосоме ненароком - всю тропинку снежную в округе заблевала. Сорок пять сантиметров, говорила, у Кошкина клык. Нет, что-то не верится. На каком-то диком пляже подмосковном ей Кошкин повстречался и членом, как змеей в гипноз вогнал и в жопу. Он ей баки-то залил, что, мол де, на еврейском Западе, где он штангою дровичился - культуристы голые штангисты лежат одни вольготные на пляже, а Нинэльки с линейками ходят между ними и меряют их члены. Ну и с самым длинным ассирийским балдометром с розовыми яйцами факом и кончают, с места не сходя.

А я ее любимую стрекозку три зимних месяца на морозе целовал и цветами, да с базара подороже все ее, манду, задаривал внебрачно. Конечно, я не Кошкин, не штангист - не с полметровым ассирийцем. Да вот порятыся-вонзаятся не членом - несметною душою порятыся насквозь моя ты дивчина Нинэль-любимая заноза в соотнесенности с развитием Вселенной Мировой. Из-за тебя, дешевка, я ведь жене Светланке изменял в глаза - что будто бы на дополнительных занятиях в ПТУ родном остался, что будто бы кружок по западной литературе там веду про эгоистов экзистансологов Ницше и Камю. Куда Нинэльке это оценить. Прирезал бы с верчением ножа - оценила б, сука-госпожа любовь мою и душу до греха сердцевины дошедшей - чтоб грех в корню сразить на поражение - чтоб каяться потом Всевышней Правдой - адом сверх души, что все и порешит. О, как меня любила молодежь!!! И это всё не ложь!!!

И как человека любили меня в ПТУ, и как знающего, толкового преподавателя по русскому языку и русской литературе отеческой.

Вы думали, каким образом соблазнительным я уводил ребеночков в лесочек? На одном душевном разговоре человеческом телега ехала в лесочек. Тут актерски не сыграть по Станиславскому Жизнь Человеческого Духа. Тут душа должна быть от природы ангельской и нежной - пятьдесят четыре человека на закланье в дремучий лес уговорить под сказочку уйти-то Святогорскую.

Такой нам нужен богатырь, который Бога стырит - Святогор. А не Муромец Илья, который взял только половинку от его дыхания. Но для русского-то человека важно - «все» или «ничего». Не «тридцать серебряников Жизнь-то воздвигают, а наверно «Тридцать Три». Ну к тридцати - возьми, присокупь еще и три - эту маленькую херовину, но троичность Бога. Нет - не могут это взять - это в руки не дается просто так.

«Как труп в пустыне я лежал,

И Бога глас ко мне воззвал:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнишь волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

А я еще добавлял и ножичком полезным. Любили меня в ПТУ на работе. И не только на работе. Был у меня случай. Когда Геннадий-зек меня совратил и попочку мою оприходовал нежную и всем раззвиздел про совращенье - стали надо мной смеяться гады-люди. Над Геннадием не ржали - он актив. А пассив потом прирезал пидара актива. Задолбал меня в дощечку этот Разгеннадий. Как я и рассчитывал систему - все подумали, что это зэки - счета своей дружбочки свели тюряжной - очень прочной и смертельной, сука, дружбы. А это, честь имею, я - покорный ваш слуга. Просто со старым вонючим Геннадием трахаться надоело, и абздец - сказал мой внутренний распевчатый кузнец – с кувалдою не спорят и конец.

А какое удовольствие без боли? Жизни нет без боли, тварищи. Ну, я Геннадию отвертку в сердце зека и вогнал с болевым тюряжным угощением.

В тюряжнейшей России - у нас у всех тюряжные повадки заточились. К сожалению, верчением отвёрточки нельзя мне было мучить Гену. У него бицепсы покруглее Кошкиных налиты. Он бы тут же протрезвел бы от мучения. И шпокнул, сука, тут же без мучения меня. Сам Бог его мне положил на жертвенный престол. Ну а потом его я просто очень быстро заколол.

Был с Геннадием такой моментик щекотливый, с мурашками кайфовыми по коже в области спины, когда отвертку я в него вогнал по рукоятку, а грудью он, Геннадий попугайчик, как воздух наберет, возьми вдруг, сука!.. Подумалось мне, кролики-отцы, что ожил, как Христос, Геннадий, сука, зек, и с мщением тюряжным кончать меня щас будет. Особенно мурашек приплыло, когда он правой своей ручищею кремняжной за рукояточку отвёрточки схватился и вытащил из тела своего металл, а из раны просто там версальнейший фонтан кровищи хлыщит-свищит.

Но, как Распутин Гришка не ожил пидарас Геннадий после ржавой раны и грохнулся на пол, вонзивши в пол отвертку исступленно. Тут настроение немного поднялось мое, и я Нинэльке тут же позвонил – прям, тут же от Геннадия, но мертвого уже. И через полчаса с Нинэлькой мы и повстречались. Естественно - я был немножко в облаках - ну и спустил ей сперму, прям, на сапоги земные. Когда Нинэль потом тропинку заблевала всю и пар от блева начал подниматься к небесам – я там, естественно, немножко стал к земле спускаться. И мысль мелькнула, вроде, неплохая - запотрошить Нинэльку, отымевав сначала во всевозможные все дырки на пригорках её попки и лобка, и в ту, что за зубами в глотке. Но сука ж - так блевотиной воняла, что самому уж впору было заблевать округу всю окрестную Нинэльки! Поэтому и принял я решение потверже - слиняться в тот же час с Нинэлькиных очковых глаз.

А на следующий день все пошло по маслу. Я Витеньку, мальчоночка-нимфеточку в электричке-лепестричке повстречал и в лесочек апосля, козленушка, увел. Там я ему сказочку про шейку серую поведал-рассказал, а потом в награду трахнул и прирезал мальчуганчика с верчением ножа по стрелке часовой и против, сука, времени витюшкиной евреечной ходьбы. Это, понимаю - был кайфец отменно троекурный. Какая там блевотинка Нинэлька сравняется в приятственном ударе по члену и уму. Она потом сама звонила мне в течении там многих месяцев бессонных - уже сама перепихнуться предлагала текстом открытым переломным, сука. Кошкин, что-ли там свой ассирийский хер штангою себе расплющил. А мне Нинэльку и прирезать больше не хотелось после Витеньки-нимфетки сладенькой конфетки.

Потом был Димочка - четвертый, сука, классик «А». Потом Оксанушка там - пятый классик «Б». Потом Егорушка, четвертый классик «Е». И так там далее, и далее, и более. Нинэльки рядом не канают с нимфетками. Да что там, на хер, ребяташки - мне грех, вам, обижаться на судьбу - пятьдесят четыре, все-таки, нимфеточки попробовал:

поглубже, чем Набоков Володя углубился - побогаче - до смертной сердцевины я вкусил живительный нимфеточный напиток Космоса Земного из детей.

Эх, где мои вы электрички-лепестрички, где ловил я мотыльков безгрешных огнем своей, я человеческой души во Благо Детства Мира. *(Дрочит хер.)*

Не царские, конечно, нынче времена - ни тебе последнего желанья перед казнью, ни тебе здесь даже телевизора, где про меня там в новостях пердёжь по миру разносят и хер мой человечеству еврейству кажут задарма. Гонорары с члена чемпиона - не получит бедный смертник - узник к детишкам чистой любви безразмерной. Он даже член не дрочится от несправедливости.

Да дали бы, суки вокзальные, хоть смерть себе выбрать, как хочется. Как я казнил царевичей-детишек - так и пусть меня казнят с мученьем, сука, царским. Только где вот палача найти такого, чтоб в попку меня сначала обгулял, а уж потом ножом с верченьем посадийствовал. Геночка бы справился с задачей. Да прихерачен Геночка отверткой. А как бы я стонал, как плакал, как рыдал, просил о помощи бы как остервенело, но более всего бы бессловесно я стонал о медленном верчении ножа, о бесконечной длительности сей жесточайшей муки! Своей последней царской, сука, муки!!! *(Плачет, рыдает.)*

О, Боже, помоги мне, бедный Боже, в муках беспредельных умереть во Имя Ничего-Всего!!! Если существуешь ты на свете, бедный Боже!!! О, Боже, Боже – мой ты Боже. Ты воскресал, я не прошу воскреснуть, я только лишь прошу подохнуть в этом, сверхгавне космическом российском - как можно здесь мучительней и мерзостней подохнуть в букве, сука, ноль!!!!!! *(Резко перестает рыдать и будничным тоном.)* Тридцать три буквы в ленинском нашем алфавите, сорок у церковников по прежнему осталось – опять перепад к грядущему взрыву грозящему. Ну когда ж к Молчанию-то - к Истине придем – Решению в Нуле - чтоб революций больше не было кровавых. Не ценят Букву Ноль, когда ее им просто бескорыстно даришь – истину Земли – в виде порешения детишек. Но не знание закона - не освободит людишек от ответственности в Роке по Судьбе.

Да не судьба мне жизнь свою с мучением прикончить. Не Пушкин я, чтобы красиво здесь и долго подышать за Истину Нуля и Краску Совестьливого Стыда - с мучением безмерно беспощадным умирать в своей постельке теплой и лирически родной.

Ну а самому себя мучительно убить мне совсем не интересно – это уж совсем мне не свою работу делать. Не онанист же я маньячески маньячный. Когда других поубиваешь ты во сласть - в себе самом вращать ножом уж больно, братцы, пресно. Подайте мне вы в ровень палача! Только вот и утешение простое, что не один я, как пророк без палача подохну в этом лунном проеврейском мире.

Не, ну в зоне там какой сибирской и дремучей пошукали бы мне зэка-палача какого там-нибудь, звериношерстяного. Да просто бы в барак с убийцами меня бы заселили, которым вышку заменили в рудниках урановых копать-загибаться. Посадили бы меня в такой барак, как бабьего насильника простого, об сейф лохматый споткнувшегося пидара хромого. Меня бы там зеки на парашу пристроили и стали б хором Красной Армии лудить сердечного бойца. Я там себе бы приголубил-отголубил палача. Да не судьба мне жизнь свою с мучением докончить.

К Сереженьке тоже палач не явился - к моему мальчонку дорогому, с ПТУ отличнику, любимчику родному, пидарченочку наивному такому не блатному. Не удалось нам факнуться с тобой до издыхания. Ты много раз прибегал ко мне на суд - встречались мы с тобою там глазенками. И что ж, Сереженька, читал в твоих я глазоньках сердечных? Желанье сладкое читал в твоих очах, Сережка, в попку членом тебя залудить, и ножичком потом с верчением пронзить. А, может, глазоньки твои радушные отковырять сначала, а потом сердечко вынуть, вены не поранив - чтоб твое сердечко билось и на суше – солнышку там радуясь, луне, или тучкам-лебедам, но сначала мне. Моя ты

душечка безгрешная, Сереженька. Мой самый ты суперлюбимчик главный, сука, в ПТУшке.

Там в твоей группе зазнобной при мне били жестоко тебя, били серьезно и тонко, били волшебно и звонко - вокзальные товарищи твои - как меня волшебной душевно в детстве били, сука. Сразу я в тебе признал родную душу, милый мальчик мой. И как мучительно приятно было мне смотреть на избиение твое с оттяжками в печеночки! Но все же я сжалился, касатик над тобою для себя. И наказал Мартыну - атаману их лишайному, при бицепсах, шпане вокзальному, защитить тебя маненько в общежитии особенно. Где глаза постороннего, надзорного-то нет и где твои там деревенские сокашники, говядиной сырой ворованной, мороженой, двадцатилетней давности укушавшись, энергией говяжей зарядившись - тебя так начинали сладостно бутузить - попочку уютжить и вафлями своими человечьими кормить, что ко мне ты на занятия приползал на четвереньках посинелый весь задёрганный-удрюченный. Я ж подкупил для тебя Мартына, двоечника суку - четверочку ему я вывел в аттестате по русскому языку с литературой вместе, чтоб защитил тебя немножечко Мартын перед своими приткими бандитами из группы для меня. Да наколол меня Мартын, хохол лишайный, сука. Младой хохол - он старого хохла напёрсточно развёл. Мне донесли потом, когда Мартыну я уже четверочку поставил, что сам Мартын тебя, Сереженька в попочку буравил в общежитии, зараза. Не, он, сука, мой не нарушил уговорчик с ним - он защитил тебя перед бандитами своими, но сам твою он попочку чудесную, Сережка, обул на свой матерый глиномесный хер не для меня. Да я б и сам такому бы Мартынчику отдался бы, Сереженька.

А какой палач-красавец из Мартына вышел бы мне в радость. Мечты-мечты - где ваша сладость. Мечты прошли - осталась гадость. Мартынчик-бык-огурчик - он не Геночка с обвисшим, сука, хером и яйцом протухшим.

Как к самой драгоценной ягодке, Сереженька, к тебе я относился. Я уж тогда, к тому времени, как мы встретились на уроках наших в ПТУ - я уж к тому времени, Сереженька, октябрёнок ты мой пионерский - уж пятьдесят два пионерчика ножичком с верчением запощекотал и в красный галстучек, сука, завязал в кровавый через попочку. Тебя ж берег на свой десерт последний, царский. К пионерским майским праздникам берег - на светлое будущее, сука, оставлял - на мировую революцию души своей воздвигнуть захотел.

Да вот так - судьба-индейка, белобрысая еврейка наколола честного хохла. Ты даже ПТУ не кончил наше - куда-то смылся в область от Мартына. А на суде моем ты объявился снова. А поезд - он ушел и не вернется снова!!!

Если б только ты бы знал, как я в снах тебя порол и резал перочиннейшим ножом мучительно, с верчением и долго-долго-долго! И чего я, мудака, хохлежопый стеснялся на работе - в ПТУ своем родимом брать мальцов-козлятушек - и в лес. Ссал советской власти ты, хохол. Как нормальный советский человек хохол, еврей и коммунист с русскою душою советской человечной - ты ссал советской власти - передовой и грамотный боец рисковый, сука. Никогда себе я не прощу, что как Сережку Ильичёва выпустил из рук.

Не живи, где трахаешь, не шпокай где живешь. Да нет, хороший дорогой хохол советский - ты просто ссал советской власти, как и все остальные пидарасы вокзальные, которых эта вокзальная советская власть имела во все дырки и медленным верчением ножевым своим по часовой и против часовой там стрелки, на хер, в дамки вырезала, сука, нас. Вот так и жили все тужили, мой нормальный и советский русский человек хохлядский, сука, еврей с татарскою кровищей чумовой, Андрюша-дяденька с панельного советского пятиэтажки дома.

Прихерачат, сука, теперь телепистолетом - будто ни хера совсем на свете не было тебя. И будут дети спать спокойно и видеть радостные сны? Будто ни хера на свете не было тебя?

Ну конечно – нас вообще никого на Свете нет. Мы платоновские тени. Есть только идеи. Когда человек становится Идеей – только тогда он становится настоящим человеком, - когда Платона с Аристотелем в себе соединишь – поэзию с числом и станешь буквой минус ноль, всевидящей Молчанье Истины Вселенской. Морали нет – есть Правда на Земле – Природы Колыханье на Заре. Жизнь только есть в Абсурде – базе и сурдинке – женского начала и мужского. И как Тертуллиан сказал – я верю, потому что все абсурдно!

И надо не дразниться, а член втыкать до поясницы.

Я обвинение и прокурора поддерживаю. Прихерачить меня как можно быстрее и все - будто ни хера никого и ничего не было. Я не понимаю, зачем только этот процесс со мной так долго тянули. Чтоб мне доставить философское удовольствие подольше и в тюрьме все ещё обмыслить созерцательно? Не думаю. Себе? Себе - кому еще. За казенный счет, сучары, удовольствие всему населению по масмедиям херачили, совки поганые, как все там сердечники, суки совейские на процессе кайфовалми до сердечных приступов.

Это вы, ваша совковская система меня, такого философского кровавого пол-потного бычару породила? Да вся мировая жизнь совковская, капиталистические товарищи!!! Ну что я, на хер, с таким местечковым человечеством нашим российским поделаю? Я же и пытался - как меня старшие опытные товарищи наставляли - так я всегда и поступал по морали нашей страны. Если у страны - фашистская мораль, то быть фашистом – это ведь морально, человечно – по развитию. Я же не зверь - я же человечный и сердечный думающий мальчик, ребяточки, на хер. Идите вы все на хер. Сталин же вон с Лениным - миллионы убиенных настругали, пример же показали стахановской маньяческой работы без кручины, чтобы попасть в десятку коммунизма без очков.

Время надо обвинять еврейское, а не меня. Я нормальный человек, сердечный - полнокровно здесь во времени живущий, как блюдующий законы все еврей. Не шиз закомплексованный, замоченный в водяре непробудной, как остальные многие вы все. Не от ума здесь горе - а горе от нормальной, человеческой и душевной здесь души. И шизы водярные, как водится, меня приговорили человека к гробу. А гроб - он – Бога горб. А Бога горб – могилой не исправишь - амба. А я - покайся тут раскайся краснопёрым гадам, краснобаям-сволочам. Ведь повторяю ж снова - я мальцов, когда царевичей казнил ведь им же в благо - ведь этим же себя «Я», сука, мучил и казнил в очередь-то первую вашим, сука «Мы».

Шел добровольно на души самосожженье – по наитью Духа Мирового, как надо поступать, но ведь нельзя – потому что мир базарный проеврейский ваш в гавно все переводит. Но тем не менее я ведь Поступал.

Детишки-то, царевичи-принцесски - они-то натурально человечно подышали-то при этом – не баранной жертвой Авраама. Это только я, хохол-мудак царевич просовейский оставался жить в поганом этом вашем свете черном, сука, просовковском, чтоб продолжать доказывать Идею Непорочную по ленинскому счету - как нельзя здесь по-еврейски дальше пропаганно жить в крови!!! А по-другому жить нельзя у вас – как только по-еврейски и в крови!!! Нигде на Земле - на суше и на море нельзя жить, как только по-еврейски и в крови, суки!!!!!!

Человек – это дьявольское отродье – нет другого дьявола - вы его никогда не увидите. Тесто – одно и то же. Настоящий человек – это воспоминание о Будущем. Это Чело Века. Это Совесть и основание Бытия – суки, понимаете? Это мера всех вещей. А мы лишь присваиваем себе эти имена и принимаем мнимое за настоящее. Каждый сам себя считает бесподобным, правым главарём и палачом - только научившись говорить.

Никто не поднимает голову к небу, чтобы вечно вниз не падать плача, сука, в покаянии. (Плачет.)

А многие царевичи русско-еврейские даже и не плакали. Зубками, конечно, скрипели как молодогвардейцы, но ни хера не плакали, бывало. С великой благодарностью божественной в глазки мои смотрели добродушные, а я в их глазки ангельские засматривался. И нам так хорошо-хорошо на этом жертвенном одре было – так понятно. А потом я их в одежонку их царскую пионерскую одевал, ямку копал и хоронил по-царски, по-русски, по-хохлятски и по-человечески - как Мальчишей-Кибальчишей соловечных.

Все так по-человечески и тщательно делал. И ведь, повторяю - убивал-то ангелов святых, ко всему, к тому же, чтоб они прямо к Богу в рай летели занебесный, чтоб не становились рожами еврейскими вокзальными чумными - не гнобили душ своих вечными годами в этой адской земле пропащей нашей, сука! Я рож вокзальных, кроме Геночки не трогал, судьи вы хорошие мои. Ад и так там вами палачами перенаселен.

Вот так вот дьявол по России проползает, который то же самое что Бог, что Дух Развития вселенческой Природы, у которой нет плохой погоды никогда. Я виноват лишь в том, что самым человеческим человеком, альтруистом уродился – разрешил Духу Мировому через себя пройти, не став генсеком кровавым сначала по субординации. Тогда бы я вам вообще показал миллионам хапушникам обрезанных, что слово Сталин значит в вашем иудейском мире. Спасибо надо говорить в таком случае за еврейскую теорию относительного чикатилинного подobia.

Да делай вам добро – как Христа убьете. А Христос Во Истину воскрес. Аминь. А что такое Христос – это рыба на съедение. Нет – Блаженный разблаженный Августин – он пишет там конечно верно, графоман - упрощенный образ рыбы, как Христа – что глубоко ныряет. Но рыба – это, наверно, все же вечные бары и рабы. А у Давида сказано: встречаются богатые и бедные – и тех и других создал Господь. Так вернее все же, чем Блаженный Августин свистит – что такое есть Христос. Кто-то вечно погоняет – кто-то вечно должен быть убит. Так вот вечно получается у вас. Рабы немь!!! В начале того века кричали. Сейчас остались только мы – начальники убийцы из потьмы.

И если я прав, а не вы - суки рабские вокзальные, со всем вашим миром сучьим, барским, неразумным человеческим?! Что если я даже перед вашим Богом прав, сексоты мерзкие мирские человеческие????!! Что, если «Я» – это ваше «Мы», суки, люди все евреи, жидко протекающие?

Охереть, за пятьдесят каких-то малолетних детишек – чтоб вам сделать движение мысли вашей здесь еврейской относительной - какую-то гребаную вышку, на хер, за это дали насовсем совсем не относительную мне – Святогору сверх светлейшему, сука, своему, когда вокруг такое сверх безмыслие творится чикачикатильное по всему вашему не нашему еврейскому человечеству - убийственное садо мазо непотребство в неразвитии гребаного Духа Мирового.

И если я прав перед Богом? И перед вами – уж тем более, на хер. Если я-то прав? Куда, на хер, вам деваться - шмаровозам-мусорам-кондукторам, с моей-то чикакатильной вышки - вокзальной остановки?

«Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем».

Прощайте, не было меня. Я завтра только буду к вчерашнему обеду и столу. А дальше – тишина...

Затмение

Париж, 1994
Москва, 2016